

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
1-й МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

*К сорокалетию
Великой Октябрьской
социалистической революции*

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XVII

Москва 1957

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
1-й МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

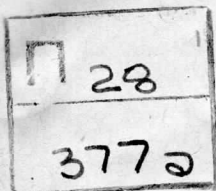
а
К сорокалетию
Великой Октябрьской
социалистической революции

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XVII

КАФЕДРЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

Москва 1957

С. Г. ФРАЙ-ВОЛЬНАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

*(Доклад, прочитанный на объединенном заседании кафедр общественных наук
Института к 100-летию со дня рождения Г. В. Плеханова)*

Оценивая теоретические труды Плеханова, В. И. Ленин в 1914 г. писал: «Его личные заслуги громадны в прошлом. За 20 лет (1883—1903 гг.) он дал массу превосходных сочинений особенно против оппортунистов, махистов и народников. Но с 1903 г. по вопросам тактики и организации Плеханов колеблется самым смешным образом»¹. Эта ленинская оценка трудов Плеханова является исходной для всех марксистов при анализе литературного наследия Плеханова.

Плеханов известен как выдающийся марксист-философ, как литературный критик, как историк русской общественной мысли. Плеханова-экономиста мы знаем гораздо меньше. Если бы мы судили об экономическом наследии Плеханова только по его немногочисленным специально экономическим статьям, то несомненно впали бы в досадную ошибку, недооценили бы Плеханова как экономиста. На самом деле во многих своих трудах Плеханов высказывает отдельные положения, которые представляют большой интерес для экономической науки и служат образцом пропаганды основ марксистской политической экономии.

Не все из литературного наследия Плеханова приемлемо для марксистской политической экономии, но произведения Плеханова до-ленинского периода могут и должны стать одним из источников разработки отдельных проблем политической экономии, войти в круг источников изучения политической экономии. Конечно, в одном докладе нет возможности отобразить все многообразие его высказываний по экономическим вопросам, остановимся на некоторых из них.

В народнический период (1878—1882 гг.) Плеханов написал специально экономическую работу «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России».

Тогда, рассматривая положение Маркса о том, что «общество не в состоянии ни перескочить через естественные формы своего развития, ни отменить их при помощи декрета», Плеханов сделал ложные выводы о необходимости сохранить в России общину и о возможности прихода к социализму через общину. От этих ошибок он освобождается по мере познания им объективных экономических законов развития общества.

¹ В. И. Ленин, т. 20, стр. 333.

Действие этих законов он сравнивал с **кротом**, который хорошо роет по выражению Гамлета. Познание законов развития общества талантливым марксистом сделало Плеханова критиком антимарксистских экономических теорий.

Плеханов об объективном характере экономических законов

Вскрывая объективный характер экономических законов, Плеханов выступает против тех представителей экономического материализма, которые по-своему фетишизируют действие этих законов и игнорируют значение человеческой действительности, роль народных масс. «Общественные отношения в человеческом обществе, — писал Плеханов, — суть отношения *людей*, и ни один великий шаг в историческом движении человечества не может совершиться не только без участия людей, но и без участия великого множества людей, т. е. масс»¹.

С другой стороны, Плеханов боролся с субъективистскими взглядами. Он показывает научную беспочвенность отрицания действия экономических законов анархистами, возводящими волю человека в абсолют. Не без сарказма Плеханов отмечает, что «экономическая жизнь общества не может быть поставлена в зависимость от капризов. Вст почему даже анархисты, кладущие в основу общественной организации идею договора, должны были бы понимать, что «общество без законов» есть чистейшая бессмыслица: круглый квадрат, сапоги всмятку»².

Как известно, закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил лежит в основе смены общественно-экономических формаций. Закон этот, открытый Марксом, Плеханов отстаивал в полемике с представителями субъективной социологии. Плеханов указывал, что под соответствием экономического строя состоянию производительных сил в данное время он понимает следующее: «Если бы такого соответствия не было, то данный порядок был бы устаревшим, отжившим порядком, не соответствующим также и человеческой природе производителей того же времени»³.

Плеханов активно пропагандирует революционный путь смены устаревших, отживших производственных отношений новыми. Комментируя классические положения «Коммунистического манифеста», Плеханов подчеркивает, что в условиях капитализма «противоречие между производительными силами, с одной стороны, и производственными отношениями, с другой, — является глубокой социальной основой революционного движения современного рабочего класса»⁴.

Плеханов внимательно следил за экономической литературой на всех европейских языках. Важнейшими критическими работами Плеханова являются «Экономическое учение Родбертуса» и «Чернышевский» (второй том). Работа о Родбертусе была написана молодым Плехановым в 1883 году еще до выхода в свет второго тома «Капитала», до появления работ Энгельса и Каутского о Родбертусе. Она показала зрелость Плеханова как теоретика и в области экономической мысли. Ис-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 210.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, стр. II.

³ Там же, стр. 137—138.

⁴ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 326.

следование о Родбертусе было написано Плехановым в ответ на шумную кампанию катедр-социалистов, которые превозносили Родбертуса как основоположника «новой политической экономии», а произведения Маркса объявили плагиатом.

Тщательное изучение произведений Родбертуса, его практической деятельности как министра земледелия Пруссии в 1848 г. и программы его «реформ» привело Плеханова к правильной оценке Родбертуса. «Смешно ставить его учение не только выше учения Маркса и Энгельса, но и на одну доску с этим последним. — Воззрения Родбертуса сложились в тот период истории экономической науки, когда старое здание классической экономики оказалось тесным, обветшалым и потребовало радикальной перестройки. Сочинения его были замечательнейшим «знамением» этого переходного периода, но не ему суждено было стать архитектором, заложившим фундамент новой науки», — таково заключение Плеханова о Родбертусе¹.

Плеханов показывает, что высказывания Родбертуса представляют научную ценность лишь в меру частичного понимания им объективных экономических законов, а все его планы реформ утрачивают всякую практическую и научную значимость, поскольку они игнорируют эти законы и сеют иллюзии о возможности частичного исправления капитализма, о возможности сохранения товаров без денег, «буржуазии без пролетариата».

Из учета объективного характера экономических законов Плеханов исходит и при оценке экономических воззрений Чернышевского, анализируя их сильные и слабые стороны. Плеханов считает, что в своих благородных стремлениях изобличить пороки буржуазного строя, в своем справедливом возмущении по поводу превращения рабочей силы в товар, Чернышевский стал на субъективный путь оценки буржуазного строя как продукта исторических случайностей, главным образом завоеваний. Плеханов критикует Чернышевского за то, что в своем анализе он пользовался гипотетическим методом. Объективные законы экономического развития для Чернышевского остались неразгаданными. Плеханов указывает на то, что вся экономическая история человечества объясняется, по мнению Чернышевского, как и всех социалистов-утопистов, простыми просчетами, «по недостатку у людей здравого экономического расчета»².

Отдавая должное Чернышевскому как замечательному революционному мыслителю 60-х годов России, Плеханов в то же время раскрывает величайшее преимущество научного социализма перед утопическим. И на этой основе Плеханов показывает все значение понимания объективного характера экономических законов для предвидения и практической революционной деятельности.

«Сила нашего влияния на дальнейший ход событий будет прямо пропорциональна ясности нашего понимания сущности современных нам экономических отношений»³.

¹ Г. В. Плеханов, Экономическая теория Карла Родбертуса, изд. 1924 г., стр. 189.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 74.

³ Там же, стр. 68.

Впоследствии Ленин отмечал, что Плеханов правильно оценил роль Чернышевского, его отношение к теории Маркса—Энгельса, что не сумела сделать редакция «Русской мысли»¹.

Знание объективных экономических законов помогло Плеханову выйти победителем в борьбе с народниками. В книге «Наши разногласия», вышедшей в 1885 г., Плеханов подвергает всесторонней критике экономические взгляды народников, рассматривая их как субъективистов, которые предпочитают «морализующую критику» капитализма подлинно научной критике.

В критике экономической концепции народничества Плеханов опирался на познанные им экономические законы развития общества.

В противовес бесплодной критике народниками капитализма с реакционных позиций идеализации «общины», Плеханов, раскрывая относительную прогрессивность капитализма, разоблачал его эксплуататорскую сущность, указывал на внутренние противоречия и исторически переходящий характер буржуазного способа производства.

Выход книги Плеханова «Наши разногласия» был оценен Ф. Энгельсом как очень отрадный факт, свидетельствующий о наличии в России партии, «...которая искренне и без оговорок приняла великие экономические и исторические теории Маркса и решительно порвала с анархическими и несколько славянофильскими традициями своих предшественников»².

В книге «Обоснование народничества г. Воронцовым» Плеханов подвергает убедительной критике г. Воронцова как политэконома за конструированные им вечные «производственные отношения», в частности за внеисторическую трактовку им стоимости.

В полемике против г. Воронцова, в противовес его доводам, возводящего экономическую отсталость России в абсолют, Плеханов подчеркивает всю относительность данного уровня развития экономики и указывает на неравномерность экономического развития отдельных капиталистических стран как на закон. Плеханов пишет: «Наши старомодные «враги капитализма» воображают, что раз на всемирном рынке утвердились «более передовые страны», то странам «отсталым» там решительно нечего делать. Это представление не соответствует действительности. На самом деле «отсталые страны» силою вещей *вынуждаются* догонять «передовые» и часто соперничают с ними *очень успешно*. Было время, когда немцам странно было бы думать о соперничестве с Англией, а теперь горький опыт показывает англичанам, какие быстрые успехи делает немецкая промышленность»³.

Желая доказать невозможность капиталистического развития для России, народники ссылались на резкое отставание уровня промышленного производства в России, но они совершенно игнорировали темпы роста промышленности, «относительные величины».

Плеханов внимательно следил за всеми течениями буржуазной экономической мысли. Наблюдения Плеханова, его критические рецензии подтверждают полную неспособность апологетов капитализма к раскры-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 249.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 461.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. IX, стр. 114.

тию каких-либо закономерностей. Они лишь выполняют заказы своего класса на создание всякого рода версий, оправдывающих господство капитала.

К этим прагматистам в области экономической науки одинаково относятся слова Плеханова: «Эти светильники горят именно затем, чтобы ничего не было видно».

К такого рода «светильникам» Плеханов относит Мальтуса. Кстати Плеханов сообщает, что Мальтусу вовсе не принадлежит пальма первенства в «изобретении» им закона народонаселения. Еще до Мальтуса писатели 18 века изготовляли рецептуру для успокоения класса наемных рабов ссылками на то, что источник нищеты лежит в чрезмерном размножении человеческого рода. Плеханов перечисляет их (Франклин, англичанин Уоллэс, Сэр Джемс Стюарт, Джозеф Тоуизанд), что подтверждает характеристику, данную Марксом Мальтусу как плагиатору.

Мальтусовский закон народонаселения не имеет объективной силы. Об этом свидетельствует и его происхождение. Стремление английской буржуазии освободиться от налога на бедных, установленного в Англии со времен Елизаветы, прямой заказ буржуазии, перепуганной французской революцией, на создание версии, могущей отвлечь недовольство пролетариата в сторону от классово́й борьбы на позиции кающихся грешников, — таковы, по мнению Плеханова, классовые мотивы, породившие точку зрения Мальтуса.

Тенденциозный, необъективный характер теории Мальтуса очень удачно изобличается Плехановым и на другом примере. Оказывается у Мальтуса существовали не только две меры для оценки прошлого и настоящего (в оценке средневековья его устами говорил буржуа, ненавидящий феодализм, готовый чуть ли не якобинскими приемами его разрушать, а в отношении буржуазного порядка он крайний консерватор), но две меры и в оценке источников фонда средств личного потребления и производительности земледелия. Когда Мальтус спорит со «сторонниками равенства», он ссылается на скупость природы и уменьшение производительности труда, когда же речь заходит о фондах непроизводительного потребления для имущих классов, то Мальтус, по секрету от «трудящихся-бедняков» и «сторонников равенства», утешает буржуа тем, что «еще, по крайней мере, в течение нескольких столетий неизбежное уменьшение производительности земледельческого труда останется не-лепой выдумкой»¹.

Плеханов изобличает прагматизм и буржуазных современников. Плеханов сообщает о французском экономисте Бэшо, который открыто оценивал различные экономические учения по тому, какое из них «дает более действительное оружие противникам социализма». А французский экономист Левелле ратовал за то, что «экономическая наука должна быть перестроена заново, потому что она перестала удовлетворять своему назначению с тех пор, как легкомысленный Бастиа скомпрометировал защиту существующего порядка»².

Плеханов срывает маску с тех буржуазных экономистов, которые, формально становясь на путь согласия с теоретическими положениями

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. VI, стр. 206.

² Там же, т. XII, стр. 332.

Маркса, отрицали необходимость революционных выводов. Так, внимание Плеханова привлекло сочинение американского профессора Зелигмана под названием «Экономическое объяснение истории». Этот американский профессор «прямо и откровенно говорит, что ученых пугали социалистические выводы Маркса. И он старается растолковать своим собратьям по науке, что социалистические выводы можно отбросить, усвоив себе только лежащую в их основе историческую теорию», — рассказывает Плеханов в статье о К. Марксе¹.

Поэтому Плеханов с полным основанием рассматривал ревизионистов — «критиков» Маркса (типа Бернштейна и др.), — прикрывающих свое отступление от марксизма стремлением идти вперед, как людей, которые совершают попятное движение, располагаются на «теоретических позициях западноевропейских буржуа социал-реформаторского оттенка»².

Географическая среда и производительные силы

Журнал «Коммунист» справедливо обратил внимание на то, что «много интересного внес Плеханов в понимание роли географической среды, хотя допустил серьезную ошибку, преувеличив эту роль»³. На счету Плеханова большая и обстоятельная критика буржуазных историков (Соловьев и другие), которые объясняли своеобразие исторического развития русского народа исключительно географическими факторами; европейский камень, по мнению Соловьева, определял историческую судьбу европейских народов, а русское дерево определяло судьбу русского народа. Историк Соловьев называл Европу каменной, а Россию деревянной. Плеханов на большом фактическом материале отклоняет эту заставшую и искусственно сконструированную схему и показывает, что переход от дерева к камню, как строительного материала, совершался во всех странах в зависимости от уровня производительных сил.

В «Истории русской общественной мысли» (т. 1) Плеханов дает убедительную справку по этому вопросу.

«...Вполне позволительно думать, что если бы русские города богатели так же быстро, как западноевропейские, то и в них дерево постепенно уступило бы место камню. Самые богатые города домонгольской Руси — Киев и Новгород — были богаче других каменными постройками. В Киеве считалось более 12 каменных церквей... Не в отсутствии камня заключалась причина, остановившая развитие Новгорода, а равно и Киева»⁴.

Плеханов убедительно оспаривает точку зрения целой плеяды буржуазных историков (Беклю и др.), которые утверждали, будто географическая среда оказывает непосредственное влияние на развитие общества и доказывает ее ограниченное, опосредствующее влияние.

Однако Плеханов не был последователен. Не следует забывать о серьезных ошибках Плеханова в трактовке роли географической среды,

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 331.

² Там же, стр. 329.

³ «Коммунист» № 16, 1956, стр. 24.

⁴ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, книга 1, изд. М., 1925, стр. 32—33.

на которые указывал В. И. Ленин. В ряде случаев Плеханов подменяет категорию производительных сил естественными условиями, что нашло отражение в его предисловии к «Коммунистическому манифесту».

О докапиталистических формациях

Рассматривая политическую экономию как науку историческую, Плеханов очень внимательно следил за всеми новейшими данными, характеризующими не только капиталистический способ производства, но и докапиталистические формации.

Плеханов конспектирует книгу Зибера: «Очерки первобытной экономической культуры», вышедшую в 1883 г., составляет рефераты о развитии общественных формаций. Их изучение убеждает Плеханова в правоте открытий, сделанных К. Марксом.

Плеханов во втором автореферате пишет: «Тайна истории человеческого общежития лежит в самой истории общежития. Человеческие учреждения: экономические, политические, частноправовые. Маркс придает главное значение экономическим отношениям. Как проверить это?.. Необходимость перейти к изучению первобытной культуры, которая дает возможность изучить те же явления в более простом виде»¹.

Данные о первобытно-общинном строе, возникновение рабства подтверждают на большом историческом опыте достоверность законов, открытых Марксом. Конспектируя книгу Зибера, Плеханов выделяет факты, указывающие на рост производительных сил и его последствия. Так, во втором автореферате значится: «Открытие металлов (и его влияние) на увеличение производительности труда. Важность этого явления как общественного фактора. У некоторых негритянских племен кузнецы считаются одаренными чуть не сверхестественною властью и пользуются огромным уважением. Влияние открытия металлов на разложение первобытной общины»². В основе возникновения экономического неравенства, разложения первобытно-общинного строя, его смены рабовладельческим лежат не внешние факторы, а развитие производительных сил; возникновение государства, права происходит не на основании договора, а «объективной логики общественного развития», считает Плеханов.

В третьем реферате Плеханов приходит к выводу о том, что смена общественно-экономических формаций подготавливается длительным процессом развития и совершается революционным путем, поэтому возникновению новых общественных отношений оказывают сопротивление силы пережившего себя способа производства. В тетрадах Плеханова имеется такая запись: «Рано или поздно наступает такая эпоха, когда люди должны ниспровергнуть сопротивление старой общественной среды для создания новых общественных отношений, когда, короче, революция становится неизбежной. Но революция предполагает сопротивление людей, заинтересованных в сохранении старого порядка. Эти люди, оказываются организованными в политическое тело, их сопротивление имеет

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник № 1, стр. 155.

² Там же, стр. 156.

политический характер, поэтому и борьба необходимо становится политической»¹.

К этому объективному выводу Плеханов пришел в 80-х годах, когда работал над темой о развитии общественных форм не для публичного выступления, а для уяснения вопроса самому себе. Как досадно, что этому объективному выводу Плеханов дважды изменил, когда на повестку дня стали вопросы осуществления революции на деле и в 1905 и в 1917 году. Знание объективных экономических законов и экономической структуры докапиталистических формаций позволило Плеханову критически отнестись к трудам наиболее авторитетных историков России (Ключевского и Соловьева). Ключевский, например, полагал, что внешняя торговля была «главной пружиной народного хозяйства» в Киевской Руси. Историк Келтуяла называл Киевскую Русь охотничье-торговым государством. Плеханов, возражая против таких суждений подчеркивал, что в России в то время преобладало натуральное, а не товарное хозяйство. Представителями торговли являлись тогда князья, которые продавали собираемую дань («медом и скорою»), торговали князья продуктами лесных промыслов и охоты. Это не может оправдать характеристики Киевской Руси как охотничье-торгового государства, так как не охота и лесной промысел, а земледелие являлось преобладающей отраслью хозяйства. В силу этого торговля не могла быть «главной пружиной народного хозяйства».

Плеханов нашел ту меру в оценке вещей, которая позволила ему увидеть в крепостнической России общие для феодализма и специфические для России черты. Плеханов высказывался против преувеличения «самобытности» крепостнической России, против полного отрицания общественного разделения труда между городом и деревней и оценки русских городов лишь как «больших деревень». Приводя слова Огарева, обращенные к Герцену: «Зачем нам города? — наши города только правительственная фантазия, и в действительности они не имеют ни значения, ни силы», — Плеханов показывает, что это заблуждение.

Опираясь на данные исследования Чечулина «Города Московского государства», Плеханов заключает, что хотя ремесленники русских городов занимались и земледелием, но главным источником их доходов являлся не земледельческий, а ремесленный труд. При этом приводится перечень ремесел, распространенных в русских городах (34 названий ремесла, относящихся к обработке съестных припасов, 32 названий ремесла по производству одежды, 25 названий по строительному делу и т. д.). Плеханов показывает, что в основе неправильных утверждений об исключительной самобытности России лежит игнорирование действия объ-

¹ «Литературное наследие Г. В. Плеханова», сборник № 1, стр. 156.

ективных экономических законов, все растущего общественного разделения труда, развития товарного производства.

Плеханов писал: «Неблагоприятные условия исторического развития сильно замедляли, еще начиная с киевского периода, рост производительных сил, находившихся в распоряжении русского народа. Однако, хотя и медленно, силы эти все-таки росли, как в Поднепровье, так и, впоследствии, на «верхневолжском суглинке». При росте производительных сил неизбежен процесс отделения промышленного труда от земледельческого»¹.

Плеханов подходил к анализу общественно-экономических формаций исторически, оценивая возникновение новой ступени в экономической истории общества как явление более прогрессивное по сравнению с предшествующей. С этой точки зрения, естественно, смена рабовладельческого строя феодализмом совершается на базе развития производительных сил.

Плеханов поэтому возразил Чернышевскому, который «считал феодализм одной из тех «форм», которые своим возникновением и существованием задерживали поступательное движение народов»².

Плеханов усматривал и в капитализме более прогрессивную формацию по сравнению с феодализмом. Но это ничего общего не имеет с идеализацией капитализма, как это мерещилось народникам. Плеханову принадлежит мысль о том, что капитализм достигает самой высокой степени разорения народных масс и умения обобрать производителя.

Плеханов писал: «...При господстве натурального хозяйства крайне трудно, а вернее сказать, совсем невозможно обобрать производителя так «чисто», как удастся сделать это на высших ступенях экономического развития. В Киевской Руси экономически немислимы были бы финансовые кудесники наших дней. Всякому овощу свое время. В обществе, разделенном на классы, «закон экономического развития» заключается в том, что все более и более возрастает та доля, которую берут у народа его «сторожа» и эксплуататоры»³.

Плеханов, искусно владея марксистской экономической теорией, знанием объективных экономических законов, был неотразим в полемическом поединке с любым буржуазным историком и мелкобуржуазными романтиками, в освещении ими докапиталистических формаций.

Против ревизии экономического учения Маркса

Перу Плеханова принадлежит немало статей, в которых он выступает как страстный защитник учения Маркса о законах возникновения развития и гибели буржуазного способа производства.

¹ Г. В. Плеханов, История русской экономической мысли, книга 1, стр. 92.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. V, глава «Чернышевский и Маркс», стр. 286.

³ Г. В. Плеханов, История русской общественной мысли, книга 1, стр. 58.

Плеханов отстаивал экономическую теорию Маркса в борьбе с народниками. Он показал нелепость постановки вопроса о том, должна ли и будет ли Россия развиваться по капиталистическому пути тогда, когда Россия уже обеими ногами была на этом пути. Ленин указывал, что в полемике с народниками Плеханов ответил на вопрос о развитии капитализма в России с конкретных позиций марксизма. «Он оставил совершенно в стороне вопрос о долженствовании, как праздный и могущий интересоваться лишь субъективистов, и все время говорил лишь о действительных общественно-экономических отношениях, о действительной эволюции»¹, писал Ленин.

Экономическое учение Маркса Плеханов отстаивал и в острых спорах с ревизионистами.

Плеханов выступил против имевшей широкое хождение в России и за границей версии ревизионистов об устойчивости мелкокрестьянского хозяйства. В предисловии к брошюре Энгельса: «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» он дает аргументированный ответ тем «критикам» Маркса, которые отдельные факты дробления землевладения и замедленного процесса концентрации поземельной собственности пытались представить как кризис «догмы» Маркса. Между тем Маркс никогда не считал процесс концентрации капитала в земледелии прямолинейным, не знающим зигзагов.

Плеханов, опираясь на статистику, показывает всю неосновательность ревизии, предпринятой Бернштейном. «Ссылки г. Бернштейна на распределение поземельной собственности также *неточны*, как неубедительны его указания на рост числа умеренных доходов... что касается Англии, то г. Бернштейн позабыл прибавить, что мелкие хозяева, число которых местами действительно увеличивается под влиянием заокеанской конкуренции, называются там **«британскими рабами»** (British slaves) до такой степени плохо их экономическое положение, теория Маркса так же мало опровергается увеличением числа этих работ», как опровергалась бы ростом sweating system в той или другой отрасли обрабатывающей промышленности»².

Плеханов разбивает доводы итальянского социалиста Гатти, отрицавшего процесс концентрации капитала в сельском хозяйстве. Основываясь на том, что во Франции в 1882 г. по сравнению с 1862 г. произошло некоторое увеличение числа крестьян, владеющих земельным участком до 10 га, Гатти утверждал, что во Франции налицо рост мелкой собственности и сокращение крупной. Упрекая Гатти в том, что он пренебрег более новыми данными (за период 1882—1892 гг.), Плеханов указывает, что и внутри этой группы владельцев происходит процесс

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 177—178.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 58—59.

расслоения, невидимый при таком грубом анализе. Плеханов пишет: «До 10 гектаров имеет и тот, у кого их *девять*, и тот, за кем числится крошечный «*носовой платок*», не превышающий одной десятой гектара. Владелец девяти гектаров может, при известных обстоятельствах, недурно жить независимыми «*трудами рук своих*», а собственник «*носового платка*» во всяком случае вынужден жить *продажей своей рабочей силы*»¹. Данные, мобилизованные Плехановым, указывают на нелепость призыва Гатти «привить социализм к буржуазной ветке сельскохозяйственных коопераций»².

Плеханов удачно оспаривал версию об устойчивости мелкокрестьянского хозяйства и энергично выступал против ревизионистов, однако он не был последователен, не извлек необходимых политических выводов из факта концентрации капитала в сельском хозяйстве и расслоения крестьянства.

Плеханов не сумел, правильно определить «социальную душу» крестьянина, его двойственную природу. В крестьянине, в мелком собственнике он видел лишь реакционную силу. В одном из писем о голоде в 1891 г. Плеханов утверждал: «Пролетарий и «*мужичок*», это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «*мужичка*»»³.

Эта ошибочная оценка привела Плеханова к выдвижению неправильных программных требований по аграрному вопросу, раскритикованных В. И. Лениным, и к роковым ошибкам в оценке Плехановым движущих сил революции 1905 года.

Плеханов об обнищании пролетариата

Плеханову принадлежат яркие страницы в защиту марксистской теории накопления капитала и обнищания пролетариата, против ее ревизии «критиками» Маркса. Плеханов мобилизовал самые разносторонние показатели относительного и абсолютного обнищания пролетариата. Еще в самой ранней своей экономической работе о Родбертусе Плеханов обратил особое внимание на те материалы, которые иллюстрируют процесс обнищания пролетариата. Он воспроизводит, в частности, такое высказывание Родбертуса: «За исключением некоторой части нашей прислуги, все наши работники получают теперь меньше хлеба, мяса, платья, жилого помещения, короче, всех необходимых для жизни предметов, чем получали они пятьдесят лет тому назад. Если вы причислите к рабочим также и детей, то я берусь доказать, что жилые помещения берлинского

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 384.

² Там же, стр. 383.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. III, стр. 382—383.

рабочего класса содержат относительно меньше футов, чем стойла для баранов»¹.

В той же работе Плеханов приводит письмо Родбертуса к Мейеру в 1873 г. о результатах исследования распределения национального дохода в Англии за период 1812—1868 гг. Доход все более концентрируется в денежном мешке на вершине общественной пирамиды, весь прирост населения поглощается ее основанием, он ведет лишь к увеличению рабочего муравейника; наконец, соответствующие средним классам *middle incomes* постоянно уменьшаются... Я никогда не думал, чтобы могли существовать такие тяжелые пункты обвинения против господствующей системы»².

Но то, что было неожиданно для Родбертуса, являлось лишь следствием объективно существующего всеобщего закона капиталистического накопления, открытого Марксом. Учение Маркса о накоплении капитала и обнищании пролетариата, указывающее на рост и концентрацию богатства на одном полюсе и нищеты на стороне производителей чужого богатства — этот закон оказался в центре критики открытых противников Маркса и ревизионистов. Бернштейн противопоставил учению Маркса о накоплении капитала и обнищании пролетариата свою ревизионистскую «теорию» роста умеренных доходов и децентрализации капитала, полагая, что он в этом оригинален. Но Плеханов в своих замечательных статьях о Бернштейне развенчивает этого «новатора» в марксизме, подчеркивая, что учение о росте умеренных доходов оказывается одной из апологетических версий.

Характерно, что Бернштейн не в состоянии был выступить против всеобщего закона капиталистического накопления в его подлинном изложении Марксом и поэтому стал на путь фальсификации. Так, Бернштейн изобразил утверждение Маркса о концентрации буржуазного богатства как утверждение об уменьшении общественного богатства. Плеханов в статье «*Cont* против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» пишет: «Ни Маркс, ни Энгельс и никто из их учеников не связывал своих надежд с *уменьшением* общественного богатства. Стараясь разорвать *такую* «связь», Бернштейн просто-напросто сражается с ветряными мельницами»³.

Плеханов подробно анализировал работы Бернштейна, его экономическую теорию роста умеренных доходов не потому, что он является серьезным теоретическим критиком Маркса, а потому, что его взгляды оказались на вооружении буржуазной интеллигенции, которая, пользу-

¹ Г. В. Плеханов, Экономическая теория Карла Родбертуса, изд. 1924 г., стр. 121.

² Там же, стр. 122—123.

³ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 57.

ясь «неомарксизмом» Бернштейна, могла бороться против рабочего класса и идеи социальной революции с тыла. Об этой прямой услуге Бернштейна буржуазии Плеханов писал: «Он стал затемнять классовое сознание рабочих, выступив с проповедью марксизма, «пересмотренного» им со специальной целью успокоения буржуазии... Но для социализма он умер и, конечно, никогда уже не воскреснет»¹.

Особо следует выделить в экономическом наследии Плеханова 3 статьи под общим названием: «Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории общественного развития». Эти статьи были написаны Плехановым по совету Ленина. Струве, этот изысканный представитель «бессословного общественного мнения», названный Лениным «русским Тьером», пытался изобразить всеобщий закон капиталистического накопления, открытый Марксом, как не соответствующий действительности и якобы исключаящий осуществление конечной цели марксизма. При этом Струве, так же как Бернштейн, не мог обойтись без фальсификации высказываний Маркса. В бездне самой разнообразной путаницы суждений, характерной для Струве, Плеханов сумел уловить тот элемент подтасовки, который создавал видимость неправоты Маркса. Струве, по существу, в изложении Маркса подменил понятие «производительные силы» — понятием «хозяйство», а категорию «производственные отношения» — категорией «право»². Это извращение марксистского положения о все растущем противоречии между производительными силами и буржуазными производственными отношениями, между капиталом и трудом потребовалось Струве, чтобы изобразить процесс развития капитализма как процесс притупления общественных противоречий.

И теоретически, и на основе большого фактического материала Плеханов опровергает утверждения Струве о притуплении классовых противоречий, об осереднячивании доходов и повышении материального благополучия пролетариата по мере роста капитализма. Данные, мобилизованные Плехановым, доказывают не уменьшение, а рост материального неравенства, концентрацию буржуазного богатства, а не его дробление.

Плеханов разбивает в открытой полемике все доводы Струве.

По мнению Струве, высокая степень эксплуатации наемного труда относится только к начальной стадии развития капитализма. Плеханов, возражая ему, пишет: «Это совершенно не так. Возьмем Соединенные Штаты Сев. Америки, где по очень многим причинам условия продажи пролетариатом своей рабочей силы несравненно благоприятнее для него, чем в какой бы то ни было из европейских стран. Как изменилась там доля рабочего класса в стоимости, создаваемой его трудом? В

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 157.

² Там же, стр. 155, примечание.

1840 г. он получал 51 процент, а в 1890 г. ему доставалось только 45 процентов этой ценности, стало быть, его *доля понизилась, а степень эксплуатации его капиталистами повысилась*¹. При этом Плеханов отмечает, что цифры взяты им у буржуазного статистика Кароля Д. Райта, который «предпочитает розовую краску черной». Аналогичные данные Плеханов приводит в отношении Франции. Из 22 миллиардов национального дохода в 1890 г. на долю рабочих, ремесленников и мелких крестьян приходилось не более одной трети.

Струве аргументирует свою позицию данными о некотором повышении заработной платы в течение последнего полустолетия. По этому поводу Плеханов указывает, что всякому знакомому с политической экономией известно, что *«Повышение заработной платы может идти рука об руку с понижением цены рабочей силы, а следовательно, и с возрастанием степени эксплуатации рабочего»*².

Кстати, Плеханов справедливо отмечает, что «...чем ниже уровень заработной платы, тем громче звучит всякое его повышение. Если рабочий получает пятачок в день, то прибавка на одну копейку может быть окрещена громким именем *повышения уровня платы на 20 процентов*. Но само собой разумеется, что такое «значительное» повышение ни мало не устранил социальной и физиологической нищеты рабочего»³.

Струве утверждает, что сокращение рабочего дня является показателем уменьшения степени эксплуатации. В ответ на это Плеханов пишет, что сокращению рабочего дня сопутствует огромный рост интенсивности труда, который не возмещается потреблением. Поэтому Плеханов говорит о процессе «физиологического обнищания» пролетариата, как о процессе физического истощения рабочих. Он приводит интересные данные, иллюстрирующие этот процесс: для восстановления жизнеспособности организма необходимо при умеренной работе 118 г. белковых веществ в сутки, при интенсивной — 145 г. А бельгийский рабочий в 1853 г. потреблял 70 г., а в 80-х годах — всего 82 г.

Приводя аналогичные данные о потреблении жиров и углеводов, Плеханов заключает: «Прошло более тридцати лет; бельгийский капитализм пережил блестящую «стадию» своего развития, а бельгийский рабочий продолжал разрушать свою силу недостаточным питанием»⁴.

В статьях о Струве Плеханов приводит богатый материал, иллюстрирующий рост абсолютного обнищания пролетариата. Вот лишь одна крупница этого материала. «В работных домах и находящихся при них больницах *умирает шестая часть Лондона, богатейшего города в мире*.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 210.

² Там же, стр. 212.

³ Там же, стр. 215.

⁴ Там же, стр. 214.

Но это не всё. Есть основание думать, что от 20 до 25 процентов английского населения умирает в положении столь близком к нищете, что приход оказывается вынужденным брать похороны на свой счет. Известный исследователь Чарльз Бус показал, что в Англии и Уэльсе около 20 процентов всех лиц, достигших 65-летнего возраста, вынуждены обращаться к общественной благотворительности... В Лондоне и в центральных графствах от 40 до 45 процентов всех пролетариев впадают на старости лет в нищету. Это ужасно в буквальном смысле слова! И ввиду этого-то ужаса апологеты буржуазии толкуют о диффузии богатства, о притуплении общественных противоречий и т. д. и т. д. Поистине можно сказать, что их цинизм доходит здесь до *грации*¹.

В статьях Плеханова можно найти самые разнообразные доказательства научной несостоятельности Струве. Плеханов показывает, что исследования Струве лишены познавательного интереса, что «Это не только не *поступательное движение*, но даже не *моцион мысли*». Такова убийственная аттестация трудов Струве².

В критике Струве Плеханов руководствовался теми же принципиальными соображениями, что в критике Бернштейна. Плеханов показывает глубокое родство душ Бернштейна и Струве с Зомбартом и другими буржуазными экономистами, которые, опираясь на теорию эволюции, пытаются убедить читателей в возможности социализма на капиталистической основе. Но такого рода утверждения явно расходятся с объективными законами экономического развития, обуславливающими смену одной формации другой только революционным путем.

Статьи Плеханова против Бернштейна и Струве, против ревизионизма могут служить полезным источником при разработке вопросов накопления капитала и обнищания пролетариата и в настоящее время. Они не утратили своего боевого партийного характера и для нас. Они написаны в те годы, когда Плеханов стоял на позициях революционного марксизма и шел вместе с Лениным.

Трагедия Плеханова заключалась в том, что впоследствии, примкнув к меньшевикам, он изменил себе. Плеханов, блестяще разоблачивший Бернштейна и Струве, в годы первой революции занял такую позицию, когда практически линия его поведения сомкнулась с теми, против кого он идейно сражался в течение 20 лет. Вот почему Ленин в мае 1906 года писал: «И Бернштейна и Плеханова социал-либеральная, кадетская буржуазия носит на руках, восхваляет до небес, рекламирует, перепечатывает *за те услуги*, которые они ей оказывают в борьбе ее с пролетариатом»³. Говоря о меньшевистской тактике Плеханова в 1905 г. Ле-

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 229.

² Там же, стр. 156.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 435.

нин подчеркивал, что она сомкнулась не только с Бернштейном, но и со Струве.

«Буржуазия великолепно понимает, что плехановские идеи сеют именно лживую мысль о «политическом мире» и притупляют на деле всякую классовую рознь, всякую классовую борьбу. Коготок увяз у товарища Плеханова — и вся «птичка» оказалась, по отношению к современной политике, в клетке у г. Струве»¹. Мы, естественно, берем из экономического наследия Плеханова все то, что служило и может служить революционной борьбе пролетариата и отбрасываем все то, что оказалось в клетке у Струве.

Характерно, что отход Плеханова от позиций революционного марксизма обеднил его как теоретика. Плеханов не осмыслил всей значимости наступления последней империалистической стадии развития капитализма и в оценке империализма стоял на антинаучных позициях реформистов. Плеханов утратил способность смотреть вперед с тех пор, как перешел к меньшевикам и оказался в обозе революции.

Поэтому экономическое наследие Г. В. Плеханова при всем многообразии его интересных высказываний не знаменует собой нового этапа в развитии марксизма.

Дальнейшая разработка экономического учения Маркса применительно к эпохе империализма и пролетарской революции выпала на долю нашего учителя и вождя бессмертного Ленина.

Стиль Плеханова

Особого внимания заслуживает стиль письма и выступлений Плеханова — мастера слова огромного диапазона. Как критик буржуазных и мелкобуржуазных экономических теорий, он отличается искусством, которому следует учиться. Плеханов глубоко взвешивает доводы противника и из полемических поединков с противником выходит, как признанный читателем, победителем. Он держит мысль читателя в пытливом напряжении, апеллируя к его уму, и проявляет уважение к требованиям глубины мысли и краски слова. Плеханов не злоупотребляет цитатами, но и не страдает цитатобоязнью. В его произведениях широко применяются выдержки из произведений Маркса в оригинале и переводе, и в полемике он не допускает произвола, а опирается на документальные подлинные высказывания автором. В произведениях Плеханова мы встречаемся с лаконичными, но удивительно исчерпывающими выводами. В ответ на призыв Бернштейна вернуться к Канту. Плеханов пишет: «Мы пригласили бы его вернуться *«Zurück ins Studiezimmer»*, — в этой краткой фразе выражено все невежество ревизиониста. А порой Плева-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 436.

нов в споре прибегает к не менее оправданным подобным литературным аналогиям.

В статье против г. Петра Струве Плеханов указывает: «У Ибсена Тролли предлагают Перу Гюнту слегка помять ему левый глаз». «Ты будешь, правда, слегка косить после этого, — успокоительно прибавляет их глава, — но все, что ни представится твоему взору, покажется тебе прекрасным и отрадным». Над нашим критиком (т. е. Струве — С. Ф.) подобная же операция сделана была школой Брентано, свято хранящей традицию Кэри-Бастия. Не знаем точно, какой именно глаз помяла ему почтенная школа: но во всяком случае она сделала так, что капиталистический порядок кажется ему теперь, если и не безусловно прекрасным и отрадным, то все-таки несравненно более привлекательным, чем он показался бы ему при нормальном зрении»¹.

Плеханову не раз приходилось реагировать на выпады ревизионистов по его адресу, при этом он пренебрегал «ругательствами», отвечая лишь по существу вопроса. И в этом сказалась сила марксиста. Плеханов же показал, что подмена аргументов криком, руганью всегда указывает на слабость идейных позиций. Это по адресу синдикалистов Плеханов писал: «Крик, поднимаемый теперь синдикалистами в некоторых странах Западной Европы, свидетельствует не о том, что их мысль отличается *здоровьем*, а о том, что она отличается *малокровием*»². Эти слова могут быть отнесены и к современным правым социалистам типа Спаака и других, выступающих в роли неприглядных «критиков», подлинных борцов за мир и строителей социализма.

Одной из типичных черт письма Плеханова является то, что он в полемике сталкивает точки зрения и высказывания самых различных авторов по одному и тому же вопросу и в борьбе за утверждение марксистской истины опирается на множество литературных источников на всех европейских языках, пользуясь ими в оригинале.

Ленин положительно оценивал достоинства полемического стиля письма и выступлений Плеханова, которые позволяют оттенять основное. Однако своему стилю, блестящему дарованию писать и полемизировать — аргументированно, научно добросовестно, убедительно — Плеханов изменяет тогда, когда он становится на путь отступлений от революционного марксизма, переходит на позиции меньшевизма. В полемике с большевиками, с ленинцами, Плеханов утрачивает «равновесие» и свои качества публициста и пропагандиста, аргументацию он тогда подменяет изречениями «оракула».

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 216.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. XVI, стр. 4.

Ленин это многократно отмечал. На объединенном съезде (в 1906 г.) во время дискуссии по аграрному вопросу в ответ на ленинскую спра-ведливую критику точки зрения Плеханова и в ответ на выступление делегата съезда Демьяна Плеханов ограничился лишь шутками.

* *
*

После победы Великой Октябрьской социалистической революции В. И. Ленин на посту председателя первого Совнаркома советской республики позаботился о том, чтобы все литературное наследие Г. В. Плеханова было собрано, хранилось и было издано у нас, на родине Плеханова. По предложению В. И. Ленина и был организован «Дом Плеханова» в Ленинграде. К Плеханову мы относимся по-ленински. Мы ценим и любим в Плеханове борца и пропагандиста за торжество марксистского мировоззрения, страстного полемика против ревизии марксизма и отбрасываем все то, что впоследствии примирило его с оппортунистами и реформистами в рабочем движении.

В годы, когда Плеханов стоял на позициях революционного марксизма, он свое отношение к Марксу и его врагам выразил такими словами: «Маркс был революционером до конца ногтей. Он восстал против бога-капитала, как гетевский Прометей восстал против Зевса... А буржуазные идеологи именно этому божеству служат. Их задача именно в том и заключается, чтобы отстаивать его права духовным оружием, как полиция и войско поддерживают их оружием холодным и огнестрельным»¹.

Но на боевом счету рабочего класса и Коммунистической партии находится нержавеющее победоносное идейное оружие марксизма-ленинизма, способное сразить и «бога-капитала» и всех его ангелохранителей и утвердить на земле счастье для всего человечества.

В арсенале нержавеющего идейного оружия пролетариата занимают свое место и замечательные труды Г. В. Плеханова.

¹ Г. В. Плеханов, Соч., т. XII, стр. 332.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
С. А. Скородум — В. И. Ленин об экономических и политических пред- посылках Октябрьской революции	3
Ф. П. Пчелко — «Солдатская Правда» в борьбе за массы в период мир- ного развития революции (март—июль 1917 года)	29
И. А. Жолдак — Крестьянское движение в Харьковской губернии в 1917 году	59
А. Л. Угрюмов — Коммунистическая партия — организатор и руководи- тель Октябрьского вооруженного восстания	87
В. Т. Нижников — Международная обстановка Октябрьской революции	115
Л. В. Метелица — Коммунистическая партия — организатор Союза Советских Социалистических Республик	135
Д. И. Тарковский — Экономическое соревнование социализма и капи- тализма до второй мировой войны	167
К. В. Кобылянский — Влияние Великой Октябрьской социалистиче- ской революции на рабочее движение Италии (1918—1920 гг.)	195
П. С. Бычков, И. В. Попов, С. И. Соколов — Успехи строитель- ства социализма в европейских странах народной демократии	219
Н. С. Семенович — Своеобразие перехода к социализму в Китайской Народной Республике	237
О. А. Артуров — Коммунистическая партия Китая в борьбе за осущест- вление первого пятилетнего плана	259
А. И. Акименкова — К вопросу о деятельности М. И. Калинина по укреплению Союза рабочего класса с крестьянством в годы гражданской войны	293
С. Г. Фрай-Вольная — К вопросу об экономическом наследии Г. В. Плеханова	309
В. Р. Романова — Н. Г. Чернышевский — предшественник русской ре- волюционной социал-демократии	327

1-й Московский государственный педагогический институт иностранных языков

Ученые записки

т. XVII

Кафедры общественных наук

Редактор *М. И. Соколов*.

Корректор *М. В. Мондрус*.

Сдано в набор 8.X.1957 г. Подписано к печати 18.I.1958 г. Формат бумаги 70×108/16

Объем: физ. п/л 22,25. Цена 6 р.

Л. 100073

Типогр. МСП

Зак. 4366. Тираж 500 экз.